

Ночной туман становился всё гуще, и пламя костра сжалось до размеров кулака, излучая лишь теплый желтоватый свет. Су Юй прислонилась спиной к стене и уже в четвертый раз перечитывала ту самую половину строки на эстампаже, а ее подушечки пальцев медленно скользили вдоль иероглифов: Жертвующий использует совместную жизнь как проводник. Текст обрывался на слове проводник, словно его кто-то ровно срезал ножом.

— Тот самый «кое-какой другой предмет»? — она убрала эстампаж обратно в шкатулку. — Ты знаешь, что это?

Сидя напротив костра, Шэнь Юань босиком ступал по серо-черному мелкому песку, и старый шрам на его лодыжке в полумраке казался темным следом.

— В ту ночь, когда ты вырезала душу, вместе с половиной твоей души в меня запечатали и нить гу, которая тебе не принадлежала. — Он поднял на нее взгляд. — Эта нить гу связана с Бай Хуаем.

Пальцы Су Юй замерли на краю бирюзовой шкатулки.

— Когда Живой Источник забрал приманку гу Бай Хуая, этот осколок всплыл на поверхность.

— Этот осколок — то самое, что ты оставила на Бай Хуае. Десять лет назад ты нарисовала у него на ладони приманку гу в благодарность за то, что он целый месяц поливал для тебя Лиану, Оплетающую Кости. — Голос Шэнь Юаня был негромким. — Когда ты вырезала душу, остатки этой приманки вместе с половиной твоей души оказались запечатаны во мне. На той нехватящей странице, которую ждет глава павильона, написано, как извлечь эту приманку гу из Бездновского Гу.

Су Юй захлопнула бирюзовую шкатулку и убрала ее в мешочек с лекарствами.

— Она хочет заполучить приманку гу Бай Хуая.

Шэнь Юань не стал отрицать.

Огонь в очаге качнулся, то удлиняя, то укорачивая тени на стене. Су Юй прислонилась к стене и закрыла глаза: в ее духовном сознании всё еще ярко и ровно горела нить гу, принадлежащая Бай Хуаю, — сдержанно, подобно старой лампе, фитиль которой кто-то прикрутил потише. Открыв глаза, она увидела, что Шэнь Юань смотрит на собственную ладонь — пересекающий ее старый шрам отливал в свете огня бледным оттенком, напоминая тонкую нить, которую перебирали бесчисленное множество раз.

— Этот шрам у тебя на ладони, — Су Юй выпрямилась, — я оставила?

Шэнь Юань поднял на нее глаза, и крылья бабочки на мгновение ярко вспыхнули в огненном

свете:

— В ту ночь на третьи сутки, когда тебе было больнее всего. Ты укусила меня, а потом заснула, но продолжала сжимать в кулаке мой палец, не разжимая. В ту ночь я не стал вырываться, а когда рассвело и ты разжала пальцы, след от зубов так и остался.

Она протянула руку и прижала большой палец к старому шраму, ощущая подушечкой пальца текстуру слегка выпуклого рубца.

— Глубокий был укус?

— До крови, — ответил Шэнь Юань. — Исчез только через три дня.

— Почему ты тогда не отдернул руку? — спросила она.

Шэнь Юань посмотрел на нее:

— Когда тебе было больно, только я мог прикоснуться к тебе. Если бы я отстранился, тебе пришлось бы кусать саму себя.

Пальцы Су Юй судорожно сжались у него на ладони, после чего она отдернула руку. Когда она поднялась на ноги, в колене внезапно вспыхнула острая боль — приступ обратного тока энергии повторился, причем на этот посылывало не левое колено, а внутреннюю сторону правого, где обнаружился незамеченный ею прежде тонкий шрам. Она пошатнулась, и Шэнь Юань, поднявшись, подхватил ее.

— Когда ты повредила правое колено? — сквозь зубы спросила она.

Шэнь Юань одной рукой поддерживал ее под локоть, а другой упирался ей в поясницу, удерживая равновесие:

— На четвертый год в темнице. После того как гвозди, запирающие меридианы, ослабли, я опустился на колени у Ложа из Хладного Нефрита, пытаюсь разорвать цепи, и ударился коленом о край ложа. Я простоял на коленях три дня и не мог подняться.

Су Юй прижалась к его руке, ожидая, пока утихнет острая боль. Она чувствовала, что в правом колене все еще отдается ноющая тупая боль — в отличие от старой травмы на левом колене, эта рана залегла гораздо глубже.

— Ты простоял на коленях три дня?

— На третьи сутки цепи порвались сами по себе, — сказал Шэнь Юань. — Буйство Бездновского Гу сокрушило гвозди, запирающие меридианы, и цепи от колебаний силы гу разлетелись в пыль. Когда я встал, колено уже распухло. — Он сделал паузу. — Позже это переросло в хроническую болезнь, и в дождливые дни оно начинает ныть.

Су Юй выпрямилась в его объятиях и, убедившись, что стоит твердо, отпустила его руку.

— Теперь в дождливые дни болеть буду я, — произнесла она.

Шэнь Юань глядел на отметку гу между ее бровей, которая в полумраке излучала бледно-золотое сияние, а старый шрам в уголке его губ медленно изогнулся в улыбке. Он не стал говорить да или нет, а просто повернулся, поднял с земли чистую полоску ткани и протянул ей, после чего поднял оброненную ею из мешочка иглу гу с вырезанным на ней иероглифом Бездновский, тщательно вытер ее и вернул на место.

Ее взгляд упал на обнаженный участок кожи на его затылке, когда он наклонился: там виднелся тончайший светлый шрам, похожий на след от пореза чем-то очень острым, который со временем затянулся.

— Откуда этот шрам у тебя на затылке? — спросила она.

Шэнь Юань завязал мешочек с лекарствами, поднялся на ноги, повернул голову и взглянул на нее:

— В ту ночь, когда ты вырезала душу, игла гу выскользнула из рук и чиркнула меня по затылку. Ты испугалась и заплакала, а потом пол ночи прикладывала сок Лианы, Оплетающей Кости. — Закончив говорить, он отвернулся. — На рассвете ты сказала: если я когда-нибудь забуду тебя, позволь мне нащупать этот шрам, и тогда я пойму, что это ты.

Су Юй стояла на месте, вглядываясь в очертания тонкого шрама на его затылке при свете огня. Она подняла руку и кончиками пальцев осторожно коснулась старого рубца. Спина Шэнь Юаня на мгновение напряглась, а затем расслабилась.

— Теперь я нащупала его, — произнесла Су Юй.

Шэнь Юань не обернулся, но его голос донесся до нее спереди, став чуть тише, чем прежде:

— Ты нащупала. И что дальше?

— А дальше я вспомнила.

Ресницы Шэнь Юаня едва заметно дрогнули. Крылья бабочки в его зрачках резко распахнулись

наполовину, а затем медленно сомкнулись.

— Что ты вспомнила?

Су Юй протянула правую руку ладонью вверх и приложила ее к тому месту на его левой груди, где покоилась жемчужина гу янтарного цвета. Она отчетливо чувствовала, как под ее ладонью мерно бьется жемчужина гу, постепенно подстраиваясь под ритм ее собственного сердцебиения.

— Ты ждал, пока я коснусь этого шрама, — произнесла она. — Ждал много лет.

Последние сухие ветки в костре издали еле слышный треск, и теплый свет в этот миг как раз качнулся, осветив крошечные золотистые искры на краях крыльев бабочки в глубине глаз Шэнь Юаня. Су Юй отняла руку и отступила на полшага назад.

— Ложимся спать. Завтра снова в путь.

Откуда-то из-за стены донесся далекий и очень тихий звон колокольчика. Не серебряный звон, как у Чань И, а более глухой, напоминающий перезвон медного колокольчика, раскачиваемого ветром. Су Юй нахмурилась в темноте: направление этого звона было неверным. Он доносился вовсе не из Павильона Безмятежного Мрака, а из самых глубин диких топей.

Она открыла глаза и посмотрела на Шэнь Юаня: он тоже поднял голову в ту же сторону, и крылья бабочки в его золотистых зрачках слегка развернулись. Они встретились взглядами, но никто из них не произнес ни слова.

Но направление, откуда доносился этот отзвук медного колокольчика, в точности совпадало с тем путем, куда исчез Бай Хуай.

<http://bllate.org/book/24619/2894021>